

УДК 94(5)

РЕЦ. НА КН.: SRINIVASAN L. DESI WORDS SPEAK OF THE PAST. INDO-ARYANS IN THE ANCIENT NEAR EAST. – BLOOMINGTON : AUTHOR HOUSE, 2011. – 572 p.

Н. П. Писаревский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 апреля 2015 г.

Решение проблем, имеющих отношение к историческому объяснению множества греко-индийских параллелей в языке, мифологии и религии, материальной, художественной и духовной культуре двух древних народов, приобрело особую актуальность в науке первого десятилетия нынешнего века [1–7]. Последнее закономерно вытекает из результатов определения путей, масштабов и времени миграций будущих эллинов и ведических ариев на Балканы и в Северо-Западную Индию и опирается на прогресс, достигнутый учеными-лингвистами в трактовке следов отображенности данного процесса в топонимике, гидронимии и ономастике, зафиксированной греческой и ведийской мифологиями и эпическими поэмами [8–12].

Более того, применение в современной науке междисциплинарного и компаративистского подходов позволило выявить поразительную общность религиозно-мифологической традиции и эпической поэзии двух древних народов. Констатация данного факта поставила вопрос о реальности существования греко-арийской языковой и культурной общности на пространствах степи и лесостепи Центральной Евразии [13]. Вплоть до настоящего времени она рассматривалась специалистами в качестве искусственно созданного научного конструкта [14].

На этом общем фоне, насколько можно судить по публикациям специальных и обобщающих трудов, пристальное внимание специалистами отводится поиску областей соприкосновения греков и носителей индо-иранской общности [15, с. 21–27]. Он реализуется на множестве уровней и аспектов разработки данной проблематики, но в первую очередь с учетом накопленных к настоящему времени в письменных источниках Древней Греции и ведических ариев фактов, указывающих на их знание друг о друге задолго до расхождения в диаметрально противоположных направлениях на пространствах Старого Света [16–18]. Это касается их языка, мифологии и религии, эпической поэзии, образов литературы, конкретных лексем и понятий, наконец, прямых заимствований,

присутствующих в этно-социальной и культурной терминологиях, не говоря уже об общности черт материальной и художественной культуры. Особенную значимость приобрели в последнее десятилетие поиски объяснения многочисленных тождеств в топонимике, этнонимике и ономастике «Ригведы», пуранической литературе и эпических поэмах Гомера, что составляет предмет исследования как западноевропейских, так и индийских ученых [19, с. 351–358; 20, р. 67–83; 21–23]. Но самое главное, конечно, связано в указанных исследованиях с попытками их привязки как к процессам этногенеза эллинов и ариев, так и к конкретной исторической действительности Древнего Ближнего Востока, Эгеиды и Балканской Греции первой половины II тыс. до н. э.

К уже сказанному следует добавить и еще одно, но не менее важное предварительное замечание. Около 100 лет назад благодаря удивительным открытиям следов ранней стадии ведийского языка на Древнем Ближнем Востоке, лексемы которого были выявлены специалистами в хетто-митаннийском мирном договоре, у представителей целого комплекса научных дисциплин (индоевропейском языкознании, в ассириологии и египтологии) родился неподдельный интерес к изучению проблемы контактов индоариев (далее – ИА) с различными народами этого одного из важнейших регионов Старого Света эпохи древности. За отсутствием действительного исторического имени этот язык стал называться в науке в XX в. Ближневосточным (митаннийским) «индоарийским». Сравнительно небольшой корпус его текстов из клинописных архивов городов Восточного Средиземноморья включает около пятидесяти слов, относящихся к разряду *termini technici*. Среди них имена богов, личные имена, юридические клаузулы и – в сравнении с общим числом ИА письменных свидетельств – пропорционально высокое число терминов, имеющих отношение к названиям лошадей и колесниц. Интерес ученых распространялся на исследование возможных языковых влияний ИА языка на языки и культуры своих соседей в Восточном Средиземноморье, Месопотамии, Анатолии, а также в Египте Второго Переходного периода и эпохи Но-

вого царства. С учетом этих влияний и была предложена гипотеза о заимствовании народами Древнего Ближнего Востока коней и колесниц от ИА, путь миграции которых в Индию в XVII–XVI вв. до н. э. пролегал или каким-то образом был связан с указанным регионом.

Основы научной лингвистической и исторической методологии исследования и интерпретации ближневосточных ИА текстов и отложившихся в папирологических и клинописных источниках ИА лексем были заложены М. Майрхофером, который с точки зрения ретроспекции разработал концепцию о прямом влиянии ИА языка на языки семито-хамитской семьи. Особое внимание ученый уделил изучению роли индоарийских элементов в истории Египта Второго Переходного периода (термины *magianni*, *aswa* и *gatha*, проблемы династической истории, идеологии и иконографии). В сочетании с трудами Т. Шнайдера [24; 25] и П. Раулвинга такой подход, по своей сути, подготовил как формулировку задач, так и алгоритм дальнейшей разработки проблемы [23, р. 251–259]. Это прослеживается в специальной литературе в оценке происхождения и стадии развития индоарийского (митаннийского) языка [26], а также в убеждении, согласно которому прародиной ведических ариев, как и микенских греков, был Ближний Восток – колыбель человечества [27]¹.

Опубликованный не так давно труд индийского специалиста-культуролога Л. Шринивашана посвящен выполнению этой задачи. Он состоит из введения, 14 тематических глав, каждая из которых посвящена изучению отдельных, составляющих единое проблемно-хронологическое пространство аспектов темы и весьма ценной библиографии, представленной в приложении.

Во введении Л. Шринивашан формулирует причины, цели и задачи труда, который он решил представить к публикации (с. IX–XI). В качестве важнейшего стимула он называет открытое специалистами поразительное сходство топонимастикона «Ригведы», «Махабхараты» и «Рамаяны» с тем, который отложился в источниках Древнего Ближнего Востока (например, Быт. 2: 10-12; РВ. 62. 6 и др.). Данный тезис он подкрепляет рассмотрением отображенных в «Ригведе» исторических и географических реалий. По его мнению, «Библию» с «Ригведой» связывает не только сюжет о так называемой «Битве 10 царей», демонстрирующий, как ему представляется, параллелизмы в названиях местностей и царских именах

¹ Такая точка зрения пользуется популярностью среди специалистов. Считается, в частности, что совмещенный этноним ахейцев и ионийцев отложился в названии *Ahhiyawa*, представляющего собой усеченный вариант этнонима страны *Niyawa*, имена двух царей которой являются чисто греческими – *Awarku* (**Awarku**) и *Wraika* (**Fraika**).

добиблейского периода (с. 143–198), но и совпадения в ведийском, хеттском и египетском языках названий горы Гермон в Сирии. Эту последнюю он отождествляет с горой Меру, усматривая отложенность в имени ведического бога Сурьи самого названия этой страны (с. 384). Это обстоятельство, как и приверженность автора концепции Ближневосточного очага происхождения мировой цивилизации Старого Света (с. XIII), как нам представляется, и предопределило направление конкретных тематических разработок избранной им проблематики. Собственно, они и легли в основу первых трех глав монографического исследования индийского автора (с. 29–95).

Следующие третья и четвертая части рецензируемой работы акцентируют внимание на доказательстве тезиса об историчности индийской пуранической мифологии, в которой, как и в «Ригведе», Л. Шринивашан выявляет отображенность в закодированной форме потерянных индийскими памятниками смысловых контекстов истории Ханаана в Ветхозаветной литературе (с. 53–142). Обращаясь к проблеме так называемой «загадки Сарамы» (к имени собаки Индры, персонажу поздних сказаний) и оперируя главным образом данными сравнительной лингвистики, он приходит к констатации факта, согласно которому все имевшие место в специальной литературе переводы фразы «горы, возведенные богатством» в «Ригведе» (РВ II, 24:2; III, 31: 6), адекватно дублируя смысл текста, тем не менее стерли воплощенное в нем значение «горообразная гробница», атрибутами которой служат как дверь, так и запечатанные за ней сокровища (с. 76–93). Уточнение перевода, по мнению ученого, дает возможность идентифицировать их с египетскими пирамидами, подтверждение чему он усматривает и в информации «о домах, которые арии построили для своих отцов», привлекая в качестве аргумента этимологические разработки топонимов *Musa* и *Seir*, представленных в заключительной главе рецензируемого труда (с. 478–524). В указанном отношении привлекает внимание трактовка ученым сюжета о райских реках и обозначении священного золота в двух традициях. Опираясь на характеристику «необычного золота», в «Махабхарате» Л. Шринивашан высказывает предположение о возможности сопоставления рек Илавриты Варши с Пишаном, справедливо идентифицируя ригведийский термин в обозначении драгоценного металла с метеоритным железом (с. 199–221). Пожалуй, самой привлекательной находкой следует назвать рассмотрение индийским ученым хеттских терминов *lu-u-i-li* и *ra-la-um-ni-es* (т.е. племен лувийцев и палайцев) в качестве прапредков ведийских риши. По мнению исследователя, корневая основа слова *gcho akshara*, восходящая, как установил еще Р. Гриффитс, к лексемам *gka* или *gcha*, на самом деле произносилась как *rika/richa*, а

следовательно, представляла единую форму одного диалектного словообразования (rcho akshara = rka akshara, которое в классическом санскрите превратилось в rchaksara). Имея значение «алфавит, письменность, иконографические знаки», оно, по мнению индийского ученого, легло в основу названия самой «Ригведы» (Rka + veda = Rigveda), представленного впервые в «Брахманах», содержащей как названия древнейших гимнов и отдельных стихов, так и имена своих авторов (поэтов-rishi из племени ranini) с упоминанием их этнической принадлежности (с. 256–257).

В главах с седьмой по десятую основное внимание отведено анализу ведическо-египетских и ведическо-митаннийских аналогий, приводящих его к заключению о весьма существенной роли Ближневосточных ариев в истории как региона в целом, так и в династической истории Египта эпохи правления XV–XX династий в частности (с. 256, 293, 311) [28]². отождествив Сарасвати с Нилом и сопоставив Шветадвипу и Светаваршу как имеющих общие истоки в индийской эпической традиции и индоевропейской мифологии, он сравнивает страну и народ ведийских и индийских эпических kuru (Mhbh., VI, 8) с хеттским названием страны (Kur^{um} Na-at-ti) и сословием khuru в египетском обществе периода правления XVIII династии. На этом основании Л. Шринивашан формулирует вывод об исходе и миграции Ближневосточных ариев – kuru в Северо-Западную Индию, что дополнительно подтверждается, по мысли нашего автора, и «египетским контекстом» Рамаяны (с. 378–379).

В доказательство, игнорируя прото-индоевропейскую основу этого слова, автор в порядке альтернативы опирается на удивительное, с его точки зрения, сходство религиозных персонажей из пантеонов Египта, Шумера и Элама с именами богов «Ригведы». Как полагает автор, его можно объяснить только при допущении самых тесных связей ариев Митанни с названными странами Древнего Ближнего Востока. И если сопоставление Л. Шринивашаном ведийского бога Камы с египетским Миной, а Митры с Шамашем/Шемешем вызывает определенные опасения с точки зрения аккуратности использования этимологического метода – [29]³, то постановка вопроса о полиэтничном по своему составу контингенте племен гиксосов, завоевавших Египет к середине XVIII в. до н. э. (в него входили индоарии, протогреки (будущие микенцы) и семиты), вполне вписывается в разработку данной проблематики на современном этапе как у

нас в стране, так и за рубежом (с. 438, 475–477, 523). В этом плане можно согласиться с автором, что изучение царских имен Митанни превращает их в ценнейший ономастический источник (с. 478).

Более того, обращают на себя внимание утверждения автора о том, что и сами митаннийцы не являлись однородными племенами: одни из них уже находились в дельте Нила до гиксосов, а в середине II тыс. до н. э. какая-то их часть со своими династиями осталась в Египте, тогда как другая ушла в мифическую землю Uttara Kuru в Северной Месопотамии. Эта последняя, по его убеждению, являлась прародительной тех самых куретов-kuru, которые переселились впоследствии в Индию (с. 193–196). Такой же интерес представляют и заключительные разделы труда, в которых египетско-митаннийские факты рассматриваются автором в качестве той первоначальной основы, которая оказала существенное влияние на формирование ведийского религиозного пантеона, культовый и светский (имена царей) ономастикон и образы ведийской мифологии.

Из других глав рецензируемого труда, с нашей точки зрения, особый интерес представляют разделы, посвященные рассмотрению фактов присутствия аналогичных микенским и гомеровским названиям стран и народов Малой Азии, Восточного Средиземноморья и Египта в «Ригведе» и мифологии «Пуран» (с. 381–415) [30]. Данная проблема в специальной литературе последнего десятилетия стала одной из самых изучаемых в науке. Прежде всего она рассматривается в тесной связи с проблемой этногенеза древних эллинов, в частности, с маршрутом движения той волны греко-арийской миграции из степи и лесостепи Центральной Евразии, которая через Кавказ, Восточное Средиземноморье и Египет в конечном итоге завершила свое движение на Пелопоннесе к XVII в. до н. э. в Лерне, что и нашло свое отражение в греческих мифах о Кадме и Данае.

В пользу такого вектора движения выступает, с одной стороны, проявившее себя к настоящему времени обилие микенских изделий в памятниках Египта, особенно времен Аменхотепа III и Эхнатона, а с другой – присутствие предметов египетского «импорта» в шахтных гробницах материковой Греции Среднеэлладского периода и захоронениях в могильниках круга В из Микен, определенно совпадающих по времени с данными иконографических и эпиграфических источников Египта и Балканской Греции. Данное обстоятельство, как полагает наш автор, надо думать, следуя взглядам Э. Фора, выступает одним из доказательств в пользу микенской природы верховных царей гиксосов в Египте. Палийское Ека-гаја (цари Эка) Л. Шринивашан сопоставляет с названиями ахейцев в хеттских и египетских источниках XIV–XIII вв. до н. э. и на этом основании полагает

² Такой подход вполне вписывается в современные тенденции разработки проблемы.

³ Вяч. Вс. Иванову принадлежит мысль, согласно которой «надежность этимологии в существенной степени зависит от длины исторически отождествляемых последовательностей».

возможным видеть в таком обозначении имена их царей, отложившиеся в «Ригведе»⁴. По его мнению, этноним Iksvaku определенным образом аккумулирует в себе палийское Ека, воплощенное в нем в сильно деформированном виде (с. 339). Опираясь на накопленные к настоящему времени в лингвистике факты по топо- и гидронимии Древнего Египта и Ближнего Востока, автор рецензируемого труда связывает с ними племена ахейцев-икшваку и их жреца Васиштху, служившего, как он считает, в египетском Гелиополе во времена, которые «Махабхарата» называет временем завоевания племенем Iksvaku всего обитаемого «мира». В последнем случае автору, как нам кажется, опять изменяет мера этимологической трактовки, чего нельзя сказать в отношении сопоставления им названия адитьев (Aditya) с гиксосскими царями Египта в «Ригведе» вообще, Aditya Danunaspati с именем греческого мифологического героя Даная и данайцами в частности. На наш взгляд, присутствие названия Микенской Греции в источниках из Амарны в форме Танаја делает его предположение вполне соответствующим исторической действительности [31, р. 85–118]. Близость санскр. Danayus – матери danavas (господ Danuna), имени греческого Даная (Danaïos), бежавшего из Египта и высадившегося с дочерьми в Лерне, что символизирует прибытие в Арголиду второй волны протогреческих мигрантов, находит, как уже отмечалось выше, подтверждение в археологических данных и таким образом вполне соответствует эпической и пуранической традициям Древней Индии [32–34]⁵. Понятно, что и трактовка ученым имени Ekaayan Kamdana в двух ведических текстах производится им по сходному сценарию. В результате Л. Шринивашан формулирует заключение, согласно которому имя, по его

мнению, отображает греческое эпонимное имя «Ахей», тогда как выражение «господин Екаа» в последней своей части относится к названию местности. Он полагает, что Ека – не что иное, как простая форма Ekaaya или омоним слова «один». На этом основании, привязывая наименование Eka-pada и к обозначению племени, и к наименованию территории, автор формулирует вывод, согласно которому упоминаемое в «Ригведе» божество Aja Ekapada представляло собой гиксосское божество Египта, египетской ипостасью которого выступал бог с головой собаки (шакала?). Его аналог в «Ригведе» ученый усматривает в персонаже царя страны Аја из рода потомков Iksvaku по имени Рама. Находит наш автор и близость между Аххийявой хеттских источников (Ahhiyawa, произносившаяся как Akh-kh-i-ya (wa), имела, по его мнению, отношение к лувийскому языку) и эпитетом ригведийской богини Ушас pra-akhai-ya devi (богиня из дома Akhaya) (с. 399) [35]⁶. На этом фоне автору совсем не кажется случайным совпадение названий Arjika, Arzava с именами ведийского Atri и ахейского вождя Атрея (с. 389). Более того, производное значение Atreya он усматривает в названии одноименного древнеиндийского племени, представители которого в «Пуранах» упомянуты только в качестве сословия воинов (Pur., III, 1, 51; VIII, 81). Что касается первого определения Arjika, то в «Ригведе», как считает наш автор, оно представляет собой модифицированное санскритом наименование хеттской страны Арцава (с. 389).

Последнее, с точки зрения индийского ученого, является указанием на проживание микенских греков в Малой Азии, на территории которой «дом Атрея» представлял собой потомков царей Арцавы, переселившихся в 1700 г. до н. э. в материковую Грецию (с. 390). В таком же контексте он рассматривает и тождество понятия Aswa упоминаемым в источниках военным союзам – Asvayana и Asva kayana, находящим, в свою очередь, близость с Assuwa хеттских табличек и гомеровским толкованием названия Азия (с. 391). В данной связи он аналогичным способом трактует тождество ригведийского sukrtasaya с хурритским sukritesay, с одной стороны, и совпадения названий на критской табличке A Su-ki-re-te-se-ya и krtā (krita) «Атхарваведы» – с другой, рассматривая их в качестве обозначения названия острова Крит. Другую возможность в трактовке этимологии данного топонима наш автор выводит одновременно как из палийского жреческого имени и названия страны kapota, так и из Kartogotan – имени древнего царя «Махабхараты», которые, совпадая с наименованиями царевичей-наследников в Пуранах, находят, по убеждению автора, общность с древнеассирийским

⁴ Они составляли, как полагает автор, XVI гиксосскую династию, которая с этого времени была исключительно микенской. Отображенные в «титуты царей, имена богов», древние этнические и профессиональные названия (наподобие grdn и khk) находят свои аналогии в гимнах «Ригведы», текстах эпических поэм Древней Индии и в Пуранах (с. 381).

⁵ Находки оружия и боевых колесниц евразийского типа, захоронения лошадей и погребения людей в шахтных гробницах, остросереберность сосудов, геометризмы и спиралевидность орнаментации, методы возведения фортификации на городищах, в XIX–XVIII вв. до н. э., индоевропейские имена гиксосских царей Бнона, Иона, Эпафа, фиксация присутствия колесничих-наемников magianni в армиях царей Нового царства – вся совокупность имеющихся к настоящему времени фактов выступает показателем ведическо-микенских корней аристократии и царей племен, двигавшихся через Египет в Балканскую Грецию. Определенным отголоском такой практики, возможно, является рассказ Одиссея у Гомера, в котором герой эпической поэмы рассказывает о своем захвате египтянами, своем нахождении на службе у египетских царей и накопленных им богатствах в период до своего возвращения на Итаку.

⁶ Данный вывод сформулирован автором почти 10 лет назад.

названием Крита Kaptar, угарит. Kptr и арам. Saphtor (с. 387–396).

В рецензируемом труде можно обнаружить целый ряд интересных наблюдений и выводов, одни из которых носят полемический характер, другие не предполагают достаточным обоснованием, а третьи представляют собой неосновательно аргументированные конечные выводы [36–40]⁷.

Однако достоинство рецензируемого труда состоит в первую очередь в выявлении интереснейших фактов языка, мифологической, эпической и литературной традиции, позволяющих задуматься относительно взаимодействия греко-ариев со своими соседями на Древнем Ближнем Востоке в первой четверти II тыс. до н. э., и тем самым обратить внимание на исследование исторических корней «Ригведы», отображающей, как принято считать до настоящего времени, неисторический уровень (и тип) мышления и общественного сознания своих создателей. Это инициирует понимание того, что топонимостикон, закодированный в древнеиндийских мифах, эпических поэмах, пуранической литературе и включающий широкий ассортимент царских имен, эпитетов богов, этнических титулов, имен древних риши и т.п., создавался одновременно или несколько позже Ближневосточных названий. А это, в свою очередь, помогает понять очаг происхождения (или нахождения) предков ведических ариев на их пути в Индию.

Дискуссионный, но несмотря на это, положительный характер носят те разделы рецензируемого труда, в которых автором подняты проблемы греко-арийско-семитической природы гиксосов, завоевавших Египет во Втором Переходном периоде его истории, что, по мнению автора, нашло отражение в «Ригведе» (VIII–IX мандалы) и эпических поэмах Древней Индии. Точка зрения о правителях гиксосов с греческими именами как будущих микенских царях (и это следует отметить особо) находит отклик в оценках современных специалистов.

К недостаткам рецензируемого труда можно отнести определенные вольности, допускаемые Л. Шринивашаном в трактовке отдельных имен, названий и понятий (например, народа и страны Kuru), игнорирование факта аисторичности содержания и присутствия разновременных хронологических пластов в гимнах «Ригведы». По всей видимости, то же самое можно сказать и относительно присутствия служивших в соответствии с представлениями Л. Шринивашана жрецами в Гелиополе составителей мандал «Ригведы»-риши. Но в целом, достигнутые автором результаты представляются весьма пло-

творными и актуальными как с точки зрения этно- и лигвогенеза протогреков и ведических ариев, так и в плане установления прародин и путей миграции носителей греко-арийской общности на Балканский полуостров и в Северо-Западную Индию, включая сюда и места их «Митаннийской остановки» на Ближнем Востоке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильков Я. В. Эпические герои и боги (в «Махабхарате» и не только) / Я. В. Васильков // Зографский сборник. – 2011. – Вып. 2. – С. 41–54.
2. Васильков Я. В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате» / Я. В. Васильков. – СПб., 2010.
3. Milkler D. G. Ancient Greek Dialects and Early Authors. Introduction to the Dialect mixture in Homer, with notes on Lyric and Herodotus. – Gainesville, 2013.
4. Nikolaev A. Homeric ἀάτοϝ : etymology and poetics (Nikolaev.pdf) 14.02.2014.
5. Nikolaev A. The name of Achilles (Nikolaev_Achil.pdf) 17.02.2014.
6. Kazanas N. Archaic Greece and the Veda (AGV_v5.pdf) 06.07.2011.
7. West M. L. Indo-European Poetry and Myth. – Oxford, 2007.
8. Kocchar R. The Vedic Peple. Their History and Geography. – New-Dehli, 2009.
9. West E. G. Quartet of Greco-Aryan Demi-Goddesses : Leukothea, Eidothea, Ulupi and Varga // JIES. – 2010. – Vol. 38, № 1–2. – P. 147–171.
10. Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов / Л. С. Клейн. – СПб., 2007.
11. Писаревский Н. П. Гелон Геродота. Эллинский город в стране будинов. Исследования по этнической предыстории населения Среднего Дона и степи и лесостепи Восточной Европы скифского времени / Н. П. Писаревский. – СПб., 2013.
12. Рол Д. Боги Авариса. Новая хронология дохристианской эпохи западной цивилизации / Д. Рол. – М., 2011.
13. Bremmer J. N. The Greek Gods in the Twentieth century // The Gods of Ancient Greece. Identities and Transformations / ed. by Jan N. Bremmer and Andrew Erskine. – Edinburgh, 2010.
14. Ancient – Greek Dialects and Early Literature. Html 16.02.2014.
15. Фор Э. Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны / Э. Фор. – М., 2009.
16. Gordon C. H. Before the Bible : The Common Background of Greek and Hebrew Civilizations (Gordon. Before the Bible.pdf) 11.01.2014.
17. Swami Bh. Ithihaasa : the Mystery of his Story is my Story of History. – Bloomington, 2013.
18. Laffineur R. Material and Craftsmanship in the Mycenaean shaft Graves (Laffineur.pdf) 26.12.2013.
19. Garcha-Ramyn J. L. Mykenische Personnamen und griechische Dichtung und Phraseologie : i-su-ku-wo-do-to

⁷ В этом позволяет убедиться сравнение трактовок индийского ученого со взглядами такого крупного ученого, как М. Витцель.

und a-re-me-ne, a-re-i-me-ne // Pasiphae, 2007. – Wiesbaden, 2008. – S. 351–358.

20. Emanuel J. F. War at Sea : The Advent of Naval Combat in the Late Bronze-Early Iron Age Eastern Mediterranean // International Ancient Warfare Conference 2013 National Library of Wales, Aberystwyth, September 18–20. – Aberystwyth, 2013. – P. 47–83.

21. Emanuel J. P. Cretan Lie and Historical Truth : Examining Odysseus' Raid on Egypt in the Late Bronze Age Context (Emanuel.pdf) 12.12.2013.

22. Petrosyan A. «Proto-Paris» and «Proto-Achilles» in Indo-European Context // Aramazd. Armenian Journal of New Eastern Studies. – 2008. – Vol. III, № 1. – P. 42–46.

23. Raulwing P. Manfred Mayrhofer's Studies on Indo-Aryan and the Indo-Aryans in the Ancient Near East: A Retrospective and Outlook on Future Research // Etymology from the First World War to the Third Reich: Ideology Scholarship and Individual Biographies / ed. by Th. Schneider and P. Raulwing. – Leiden, 2013. – P. 251–285.

24. Schneider Th. The Relative Chronology of the Middle Kingdom and the Hyksos period // Ancient Egyptian Chronology (Dyns. 12–17) / ed. by E. Hornung, R. Krauss & D. Warburton. – Brill, 2006. – P. 168–196.

25. Novák M. Mittani Empire and the Question of Absolute Chronology : Some Archaeological Considerations // The Synchronisation of Civilisations in the Eastern Mediterranean in the Second Millennium BC III / ed. by Manfred Bietak & Ernst Czerny. – Wien, 2007 (Österreichische Akademie der Wissenschaften Denkschrift Band XXXVII).

26. Mayrhofer M. Welches Material aus dem Indoarischen von Mitanni verbleibt für eine selektive Darstellung? // Investigationes philologicae et comparativae : Gedenkschrift für Heinz Kronasser / Hrsh. E. Neu. – Wiesbaden, 1982. – S. 72–90.

27. Miller D. G. Ancient Greek Dialects and Early Authors. Introduction to the Dialect Mixture in Homer with notes on Lyric and Herodotus. – Gainesville, 2013. – Mode of access: http://www.clas.ufl.edu/users/jmarks/MillerGkDialects/chapters1-5MillerAGkD/1.IE_bckgr.MillerAGkD.pdf

28. Sahala A. Sumero-Indo-European Language Contacts // Indo-European Languages of Eurasia. 2012. Vol. 1. – Mode of access: http://www.ling.helsinki.fi/~asahala/asahala_sumerian_and_pie.pdf

29. Иванов Вяч. Вс. О соотношении этимологии и реконструкции текста / Вяч. Вс. Иванов // Этимология. – 1984. – М., 1986. – С. 66.

30. Mahadevan T. P. The Risi index of the Vedic Anukaramanii system and the Pravara lists : Toward a Prehistory of the Brahmans // EJVS. – 2011. – Vol. 18. – Iss. 2. – P. 1–169.

31. Kelder J. The Kingdom of Mycenae. – Maryland, 2010.

32. Drews R. The Coming of the Greeks. Indo-European Conquests in the Aegean and the Near East. – Princeton, 1988. – P. 25–73.

33. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Мифология и фольклор : в 7 т. / Вяч. Вс. Иванов. – М., 2009. – Т. 5.

34. Emanuel J. P. Cretan Lie and Historical Truth : Examining Odysseus' Raid on Egypt in its Late Bronze Age Context // Donum Natalicium Digitaliter Confectum Gregorio Nagy Septuagenario a Discipulis Collegis Familiaribus Oblatum / ed. by V. Bers, D. Elmer, D. Frame & L. Muellner. – Washington, 2012. – P. 1–41.

35. Srinivasan L. Mycenaean Names of Land and People in the Rigveda and Indian Myths // Man in India. – 2005. – № 1–2. – P. 1–24.

36. Witzel M. Rigvedic history : poets, chieftains and politics // Language, Material Culture and Ethnicity. The Indo-Aryans of Ancient South Asia / ed. by G. Erdosy. – Berlin ; New York, 1995. – P. 307–352.

37. Witzel M. A first link between the Rgvedic Panjab and Mesopotamia : s'imbalas'almali, and GISgisimmar? // Vidyarnavavandanam. Essays in Honour of Asko Parpola / ed. by Klaus Karttunen and Petteri Koskikallio. – Helsinki, 2000. – P. 497–508. (Studia Orientalia, published by the Finnish Or. Soc. 94).

38. Witzel M. Aryan and non-Aryan Names in Vedic India. Data for the linguistic situation, c.1900–500 B.C. // Aryans and Non-Non-Aryans, Evidence, Interpretation and Ideology / Ed. by J. Bronkhorst & M. Deshpande. – Cambridge, 1999. – P. 337–404. (Harvard Oriental Series, Opera Minora 3).

39. Witzel M. The Origins of the World's Mythologies. – New York, 2012.

40. Witzel M. Saramâ and the Panis. Origins of Prosimetric Exchange in Archaic India // Prosimetrum : Crosscultural Perspectives on Narrative in Prose and Verse / ed. by Joseph Harris and Karl Reichl. – Cambridge, 1997. – P. 397–409.

Воронежский государственный университет

Писаревский Н. П., доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира

E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Тел.: 8 (473) 236-91-83

Voronezh State University

Pisarevskiy N. P., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Ancient History and Archaeology Department

E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Tel.: 8 (473) 236-91-83